

A man with brown, wavy hair and a serious expression stands in the foreground, wearing a grey trench coat over a light-colored shirt and a dark tie. He is positioned in front of a dark blue vintage car. The background features a European city street with historic buildings and a prominent church with a tall, green-roofed spire under a cloudy sky.

РЕЗИДЕНТ КГБ 2

ПЕТР АЛМАЗНЫЙ

Петр Алмазный

Резидент КГБ. Том 2

<https://litres.ru/74312914>

SelfPub; 2026

Аннотация

Оказавшись в теле советского разведчика, я попал в самый эпицентр противостояния спецслужб. Контрразведка идёт за мной по пятам. Двойные агенты, вербовка, предательство... Каждый шаг может стать последним, каждое неосторожное слово — ловушкой. Но у меня есть то, чего нет ни у ЦРУ, ни у МИ-6 — знание будущего.

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	50
Глава	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Петр Алмазный

Резидент КГБ. Том 2

Глава

Название: Резидент КГБ. Том 2

Автор: Петр Алмазный

Глава 1

Римский связной не понравился мне с первого взгляда. Он суетился, нервничал и привлекал к себе внимание. Вынуждая тем самым чувствовать не в своей тарелке и меня.

На место встречи, площадь Святого Петра, я приехал заранее. Отпустил таксиста. Понаблюдав издали — и подошёл к фонтану точно в назначенное время. А потом прождал там сорок долгих минут. И когда увидел этого скачущего по брусчатке плешивого толстяка с бегающими глазами, сразу подумал: «Ох, хоть бы не этот».

Но тип скакал именно ко мне. Он жадно уставился на условленную «Гадзетту делло Спорт» у меня в руках.

— Я от сеньора Фабио, по поводу интервью для радиопрограммы, — перекрыл уличные звуки его настороженный голос.

Прозвучало это неестественно, он вызубрил фразу наизусть и боялся что-то в ней напутать.

— Сеньор Фабио согласен? — спросил я, пряча газету в карман пальто.

— К сожалению, сеньору Фабио сегодня нездоровится. Это были слова пароля. Они означали, что всё в порядке и сейчас меня отвезут к нужному человеку. Но действительно ли всё в порядке? На этот счёт у меня появились сомнения.

Я подумал — и отогнал подозрения и тревожные мысли

прочь. Заставил себя расслабиться. Они тут не профессионалы, а простые работяги, подпольщики. Встречаясь со мной, толстяк рискует, вот и нервничает. А то, что лицом он походит на поросшую ключьями волос перепуганную медузу... Это не имеет значения.

А ещё он потел. Что было, в общем, удивительно. Это мне можно здесь подставлять лицо ветру и расстёгивать нарасташку пальто — недавно я прибыл из Москвы, и там мой вылет задерживали из-за снегопада. Местных средиземноморское мартовское солнце не грело, они тянули головы в плечи и кутались в свои модные плащи. Потеть местным никак не полагалось.

Впрочем, сейчас вокруг были не только местные. И даже местных здесь было, скорее, меньшинство. А большинство были туристы. Они бродили туда и сюда либо стояли, глядя по сторонам. Слышалась английская и французская речь. Целенаправленной группкой топали куда-то, щёлкая на ходу фотоаппаратами, круглолицые японцы. Недалеко от нас сидела на скамейке пожилая пара, я услышал, они говорили по-шведски.

А местные крутились рядом, пытались втюхать неместным сувениры и платные экскурсии.

«Шарах!» — грохнуло вдруг совсем рядом. Собеседник подпрыгнул, дёрнулся и едва не свалился в фонтан. Моё тело тоже отреагировало, но иначе: я остался спокойным. Рефлексы сработали, но мозг успел проанализировать ситуа-

цию за мгновения. Всё нормально, это не террористы взрывают свои бомбы и не ЦРУ совместно с итальянской спецслужбой СИСМИ устраивают на меня облаву.

Это просто поблизости взлетела стая уличных голубей.

Связной выругался. Перекрестился, что-то бормоча себе под нос. Вспархивали эти птички и правда неожиданно и громковато, многие пугались.

— Пойдёмте? — предложил пришедший, указав в сторону дороги, где проезжали автомобили, очень похожие на наши старые жигули-«копейки».

Я помедлил. Слева на фоне голубого неба высился купол базилики Святого Петра. Ближе тянулась ввысь стела с крестом на верхушке, светлели гладкие колонны. Каменные монументы равнодушно смотрели с высоты своих постаментов на наши дела. А народу вокруг сновала просто тьма тьмущая. Если за нами следили, определить это пока не представлялось возможным.

— Да, конечно, — решил я. — Ведите.

Он кивнул, как мне показалось, с тайным облегчением.

Мы устремились к дороге, пробрались через очередь из желающих сфотографироваться на фоне купола и стелы. Пошли по тротуару. Потом через дорогу к ближайшим зданиям.

Через минуту мы уже пробирались такой тёмной и замусоренной подворотней, что в недавние колонны и фонтаны просто не верилось. Здесь приходилось посматривать, куда

ставишь ногу, а из подвальных отдушин слышалось отчётливое попискивание.

За углом дома, у обшарпанной стены, мой провожатый попросил меня остановиться. Дальше он вытащил из кармана миниатюрное круглое зеркальце и довольно толково проверил, нет ли за нами «хвоста». Что-то они здесь всё же умеют, подумал я. Симпатии от этого, правда, у меня к попутчику не прибавилось, тут я ничего не мог с собой поделать.

На следующей улице обнаружилась промежуточная точка нашего путешествия: старый «Альфа Ромео» с покривившимся бампером. Из-за руля пристально взглянул худой и напряжённый водитель — с зализанными седоватыми лохмами, носатый, похожий на птицу грифа.

Водитель мне тоже не понравился.

Человека, к которому меня привезли, звали Фабио Ротта. Он проживал в маленьком доме на окраине Рима. Дом его смотрел сейчас на нас занавешенными окнами и был окутан тревожной тишиной.

Носатый водитель остался с машиной — там, где закончилась дорога и дальше к дворам повели тропинки. Толстяк потянул на себя калитку и шагнул в поросший кустами двор. Кусты эти, зелёные и мохнатые, походили на можжевельные. — Фабио, встречай гостей! — прокричал мой сопровож-

дающий. — Мы приехали!

Прозвучало это примерно так же, как там, на площади возле фонтана. То есть — неестественно. Что было странно: здесь вроде бы уже не требовались никакие пароли.

Дверь скрипнула, это толстяк открыл её. Он гостеприимно взмахнул рукой, предлагая мне заходить. Хозяин дома почему-то не показывался, не выходил нас встречать. Может, этот Фабио инвалид? Но в Центре, когда меня инструктировали, ни о чём подобном не упоминали...

Мой толстый сопровождающий мучительно давил из себя улыбку. Уже отчасти понимая, что будет дальше, я шагнул в тёмный, пахнувший сигаретным дымом дверной проём. Пусть всё происходит под крышей. Свидетели в таких делах не нужны. А звать на помощь, что бы там ни заварилось, я всё равно не собирался.

И, может быть, я всё-таки неправильно оцениваю обстановку и ошибаюсь. И тогда сунуть своему провожатому кулаком в челюсть и ускакать через заборы куда глаза глядят получилось бы совсем нелепо. И непростительно перед итальянскими товарищами.

Но нет, в своих подозрениях я, увы, не ошибся.

Как только я оказался в прихожей, из комнаты в мою сторону выдвинулся человек. Был он невысок и коренаст, кучерявая голова торчала над серым свитером с высоким горлом. А из руки его в мою сторону торчал пистолетный ствол. Толстяк позади меня уже успел подсуетиться и теперь тыкал ещё

одним пистолетом в мою правую почку.

— Не сопротивляйся, и останешься живой, — долетел до моего уха его нервный голос.

Я кивнул и поднял перед собой руки. Вот наконец-то всё и прояснилось.

Толстый принялся меня обыскивать. Я не взял с собой пистолета, бродить с оружием по центральным площадям не стоило. К тому же я рассудил, что если мой единственный контакт здесь, в Италии, окажется провален, то всё пропало. Теперь я пожалел о своём решении. Да, контакт провален, и всё пропало — но из положения надо как-то выходить.

Толстяк искал моё оружие, которого здесь не было, шарил меня под пальто.

— Ай, щекотно!.. — засмеялся я.

А потом ударил ногой по руке кучерявого. Пистолет вылетел из его руки, ударился о стену и глухо стукнул о подстилку на полу. Толстый замешкался и получил удар локтем по рёбрам. Его оружие по праву более сильного и быстрого перешло ко мне. Сам толстяк тут же повстречался головой с дверным косяком и грузно завалился мне под ноги.

Кучерявый тем временем полз на четвереньках в попытке схватить утраченный пистолет. Я прыгнул к нему, приложил с ноги в бок. Заорал: «А ну, не трогай!» И тут увидел, что за дверным проёмом соседней комнаты кто-то есть.

Пока что в этом доме из людей мне попадались только мужики с пистолетами. И этот, в комнате, оказался из них же.

«Бах! Бах!» — грохнуло и сверкнуло вспышками его оружие. Я едва успел прыгнуть на пол. Пули вlepились в стену, задребезжали стёкла, ухнула о пол картинная рама. Я перекатился и нырнул в другую комнату. Мой манёвр сопровождали новые выстрелы.

Это была спальня — к счастью, пустая. Я проверил доставшийся мне пистолет толстяка. Итальянская Беретта, логично. Патроны в обойме имелись.

Итак, ситуация сложилась интересная. В доме я и двое противников, все вооружены — кучерявый, что ползал по полу, забрал свой пистолет и укрылся за стеной. Толстяк без сознания, он вне игры надолго и поэтому не считается. Но есть водитель, и вот его нужно учитывать.

А ещё есть фактор соседей: они могли услышать стрельбу и вызвать полицию. Так что затягивать своё здесь пребывание нельзя.

Засевшие за стенами ребята, видимо, рассуждали в том же ключе. Они затараторили между собой. Из дверного проёма до меня доносились обрывки их быстрой речи, но я мало что слышал, а ещё меньше понимал. Перед командировкой я усиленно изучал в Москве итальянский и достиг в этом некоторых успехов. Но эти двое, кажется, говорили на каком-то местном диалекте.

Тут они замолчали. Наверное, о чём-то договорились.
— Эй, русский! — послышался хриплый крик одного из них. — Давай, сдавайся!

Ага, подумал я, они знают, откуда я сюда прибыл. Значит, им известно даже больше, чем я предполагал. Но об этом будем размышлять потом, сначала надо вырываться отсюда.

— Русские не сдаются! — крикнул я в ответ, удивляясь, как можно не знать таких вещей, пусть даже в Италии 1978 года.

Они загомонили снова. А в моей голове уже созрел незатейливый план.

На столике у кровати блестела боками недопитая бутылка вина, рядом стояли два грязных стакана. Бутылка была заткнута пробкой и удобно легла в руку. Почти не высовываясь из комнаты, я изо всех сил швырнул своё орудие через два дверных проёма.

В комнате напротив загремело и зазвенело. Я тут же выскочил в прихожую. И увидел за дверью то, на что и рассчитывал: неосторожно вылезший в зону обстрела ботинок. А увидев, сразу выстрелил.

Бах!

В комнате заорали, послышался звук падающего тела. Но я сосредоточил внимание на другой двери и комнате. Тот, кто засел там, не заставил себя ждать и высунулся оттуда вслед за своим пистолетом. Пистолет смотрел туда, где я был полсекунды назад, но этот адрес оказался уже просрочен.

Бах! Бах!

Промаха не случилось. Оружие противника грекнуло о пол, сам он вскрикнул и схватился за плечо.

Я метнулся и подхватил его пистолет. Приложил мужика рукоятью по голове, на всякий случай. Заглянул в соседнюю комнату, там кучерявый скрючился на полу и всё орал, обхватив подстреленную стопу. Его оружие я тоже забрал.

Привезший нас с толстым водителем в дом не совался, и правильно делал. Может, услышал выстрелы и убежал. Теперь мне нужно было кого-то из здешних вояк допросить. От кучерявого толку не было, от толстяка тоже. Раненный в плечо и получивший вдобавок по голове тип стонал у двери на полу.

— Эй, ты! — Я слегка похлестал его по щекам и заодно выдернул у него из кармана пистолетную обойму. — Вы кто такие? На кого работаете?

Он в ответ только замычал. Этого парня я приложил по черепу слишком сильно, и теперь он пребывал в состоянии где-то между сознанием и обмороком. Я попытался привести его в чувство. И тут в доме раздались новые звуки.

Где-то за стеной стукнуло, как будто упало что-то тяжёлое. Потом зашумело ещё, звякнуло, на пол посыпались какие-то вещи. Звук шёл из-за неприметной двери — кажется, она вела в чулан. Я распахнул её, уже представляя, что там увижу.

За дверью был хозяин дома, Фабио Ротта. Хотя узнать его

оказалось непросто. Тем более что до этого я видел его только на фотографии. Лицо опухло, губы разбиты, один глаз заплыл. Фабио привязали к стулу, изо рта торчал тряпочный кляп, который я сразу вытащил.

Я щёлкнул выключателем и рассмотрел всё получше. Достал выкидной нож, его при обыске толстяк не успел у меня отобрать. Разрезал верёвку. И только тут заметил, что кроме всего прочего у моего контакта прострелена нога выше колена. Рана была перевязана полотенцем, оно пропиталось кровью, натекло и на пол.

— Надо отсюда уходить, — прохрипел Фабио, как только отдышался и отплевался.

Тут я не мог с ним не согласиться.

Выглянув обратно в зал, я заметил, как от окна отпрыгнула высокая фигура. Это был водитель. То, что он не уехал, было хорошо, машина нам понадобится. А вот то, что он до сих пор не убежал отсюда на своих двоих, было не очень правильно. Но поправимо.

Нужно было спешить. Я выскочил во двор без всяких предосторожностей. Водитель был не опасен. Был бы опасен, не мелькал бы перед окнами. Я сразу увидел его за кустами, он пытался перелезть через забор в соседний двор.

— Эй! — крикнул я.

От моего крика он дёрнулся и повалился с забора.

— Иди сюда! — взмахнул я пистолетом.

По водительскому лицу пробежала мысль о рывке вдоль

забора под защитой кустов. Защита была слабенькой, и он сделал правильный выбор.

— Оружие есть?

Он испуганно замотал головой.

— Ключи в машине?

Он так же испуганно закивал.

— Отлично. Иди в дом и помоги раненым.

Водитель бросил недоверчивый взгляд на пистолет у меня в руке. Втянул голову в плечи и шагнул в дом. Там уже не кричали, но стонали и ругались довольно громко.

Карманы мне оттягивали два лишних пистолета. Я достал их. Себе оставил тот, к которому недавно заимел запасную обойму. Остальные протёр носовым платком и бросил в клумбу у крыльца. Потом вошёл в дом вслед за водителем. Оттолкнул его, застывшего, у себя с дороги. Повёл наружу Фабио, который прыгал, сцепивши зубы, на одной ноге.

Наш путь к машине оказался долгим и трудным. Соседи выглядывали из-за своих заборов, смотрели молча и испуганно. Люди не понимали, похищаю я Фабио или спасаю — может, оттого, что я не сразу догадался спрятать в карман пистолет. На середине маршрута я почувствовал, что мой спутник вцепился мне в плечо и вот-вот упадёт без сознания. Тогда я наклонился и взвалил его себе на плечо.

Заканчивал путь я уже бегом: в начале улицы в клубах пыли показалась полицейская машина. Сомнений не было: кто-то вызвал карабинеров и они летели именно сюда, к нам.

Мотор рыкнул, заходясь. Направление, откуда мы приехали, было для меня перекрыто. И мы помчались в противоположном — туда, где заборы смыкали свои ряды, а дорога стремительно сужалась, превращаясь в тропу.

Полицейские нас, конечно, увидели. Теперь их машина плотно сидела у меня на хвосте. А я, непрерывно сигналив, вломился на потрёпанном и ревущем «Альфа Ромео» в лабиринты узких и извилистых улочек этого очень похожего на деревню римского предместья.

Люди, собаки и куры уносились у меня с пути. Бац! — правое зеркало отлетело сразу. Левое продержалось на несколько секунд дольше и потом встретило свою торчащую доску. На одном из поворотов со скрежетом отлетел задний бампер. Поверх заборов мелькали лица с вытаращенными глазами. Возмущённые крики и собачий лай слышались сквозь визг колёс и рёв моторов.

Фабио вцепился в заднее сиденье, его мотало по салону, и он скрежетал зубами от боли.

Карабинеры не отставали. Они пошли на принцип, и машина их орала своей сиреной где-то совсем рядом. С каждым новым поворотом я ожидал воткнуться в тупик или вмазаться в такой узкий проулок, что мы застрянем там, как топор в колоде. Тогда выбираться придётся, выбивая лобовое стекло. И что дальше? В стране я нелегал, прикрытия в виде дипломатического паспорта у меня нет. Бросить раненного Фабио в машине? Или пристрелить пару ни в чём, в общем,

не виноватых итальянских полицейских? Я очень надеялся, что выбор этот делать мне всё же не придётся.

За очередным изгибом нашей гонки прямо перед капотом выросли металлические ворота. Тупик? Нет — слева есть просвет! Я вывернул руль туда. Автомобиль, цепляя боками ветки, столбики и доски, поскакал под уклон. И крутизна его всё увеличивалась. Что там, овраг, обрыв? Впереди блеснула вода. Река. Или, скорее, ручей. А через него — мост.

Ну, как мост...

По этому сооружению местные ходили пешком и ездили на велосипедах. Может, гоняли через реку коз. А вот коров — уже вряд ли.

Ездить же здесь на машинах никто никогда и не думал.

Но как раз думать мне было и некогда. Поэтому я отпустил тормоз. На газ здесь можно было и не давить, машина понеслась куда надо итак.

За мостком ковырялись в земле пацанчики в разноцветных куртках. От моего истошного бибикания они подпрыгнули и разлетелись в разные стороны, как воробьи. А машина понеслась вперёд. У самого деревянного настила я всё же притормозил. Чёртов мост показался мне более узким, чем ось автомобильных колёс. Но о том, чтобы выходить и прикидывать, и речи не было.

— Вперёд! — заорал я и нажал педаль газа.

Машина двинулась по мосту.

Деревяшки тресали под колёсами. Внизу сверкала сол-

нечными бликами речка. Вода была совсем рядом, но слететь туда означало для машины здесь и остаться: противоположный берег стоял пусть невысоким, но непреодолимым обрывом. На заднем сиденье затаил дыхание Фабио. Пацаны среди кустов на берегу, наоборот, свистели и восторженно кричали. Сзади преодолевала грунтовый спуск полицейская машина наших преследователей.

Я подался вперёд, уставив взгляд на полосу моста перед капотом. Мы медленно и с громким хрустом продвигались к концу переправы. Мне казалось, что с обеих сторон машина держится за деревянную поверхность какими-то миллиметрами своей резины. Одно неверное движение рулём — и мы свалимся вниз.

Один раз под колесом так хрустнуло, что я подумал: всё, приехали. Но нет, пронесло. Скоро мы выехали на твёрдую землю, и под резиной захрустела щебёнка.

Но не всем, кто за рулём, сегодня так же везло. Когда мы взобрались на подъём, со стороны моста донёсся громкий треск, а потом звук удара. Обернувшись, через заднее стекло я успел заметить, что автомобиль полицейских накренился и одной своей половиной стоит в воде. Местные пацаны тут же радостно завопили и заулюлюкали. Кажется, полицию в этом пригородном бедняцком районе не любили.

Бибикнув всем на прощание, наша машина рванула вперёд.

На том ужасе, в который превратился сейчас «Альфа Ро-

мео», гонять по городским улицам определённо не стоило. Поэтому, отъехав окраинами и пустырями подальше, мы дотянули до места, откуда, по словам Фабио, можно было позвонить. Таким местом оказалась небольшая мебельная фабрика. Загнав машину в тупик у каких-то развалин без окон и дверей, я оставил там своего спутника и отправился к фабричным воротам.

На проходной я отрекомендовался знакомым Фабио, и усатый охранник радушно позволил мне воспользоваться телефоном. Позвонил я товарищу Фабио. Он работал доктором на «скорой помощи». И он пообещал приехать как можно быстрее.

Топая обратно к машине, я крутил в голове слова Фабио. — Моя ячейка полностью разгромлена, — сказал он мне. Мы успели поговорить по дороге сюда, когда петляли по пустырям и безлюдным переулкам.

— Я не знаю, почему так случилось, — продолжал он. — Кого-то арестовали, кто-то пропал. Всё произошло за считанные дни.

В голосе его сквозила боль, и то не была боль от раненной ноги.

— Я ничем не смогу помочь тебе, камрад, — добавил он, хотя это было понятно и так.

Как-то не очень удачно начинается моя миссия на Апеннинском полуострове, подумалось мне. А между тем совсем скоро страну ожидает потрясение от грядущего небывалого

события. Этим событием станет, ни много ни мало, — похищение итальянского премьер-министра. Или не станет, это уже зависело от меня.

Как бы то ни было, времени до дня «икс» оставалась примерно неделя.

Размышляя обо всём этом, я возвратился к машине. И там увидел, что возле неё толкутся и галдят человек десять бритоголовых.

Глава 2

Повернув из-за развалин, я увидел это сборище. Нашу машину окружила толпа. Морды этих ребят явно просили кирпича, да и голоса тоже были под стать. Ближе к дороге чернели, перекрывая нам выезд, две запылённые тарантайки.

Я подошёл вплотную, но наши с Фабио гости были увлечены и меня не замечали.

— Тачка такая же, как и говорили, — гундосил один, дёргая ручку от водительской двери.

— Да они это, они! — кричал другой, проталкиваясь поближе к машине и тыча пальцем в окно. — Я вот этого знаю, это коммуняка.

— А почему он один? Должны же быть двое.

Фабио заперся в машине изнутри, но задержать надолго это, конечно, никого не могло.

— Какая разница, где другой?! — перекрыл всё громкий командный голос. — Смотался куда-то, да и чёрт с ним. Давай, бей окна, вытаскивайте его!

— Точно! — подхватили остальные. — Вперёд!

Все они были похожи друг на друга: бритые головы, кожаные куртки, джинсы. Не отягощённые интеллектом агрессивные лица. Тут и там свастика, вытатуированная на руках и шее или нашитая на одежду. Возраст лет двадцать — двадцать пять, пара человек чуть постарше. Неофашисты. По-

хожих я встретил в Швеции. Отребья в этих семидесятих на Западе хватало.

Они зашарили под ногами в поисках камней. А тот, что кричал про битьё окон, пригнулся и пристально вглядывался в темноту внутри салона.

— Что там интересного? — спросил я, встав рядом с ним.

Тип заметил меня и испуганно отшатнулся. Тут же нахмурился, боевито выпятил подбородок.

— Твоя тачка? — спросил, расправляя плечи.

Остальные тоже, наконец, заметили, что они теперь здесь не одни.

— Хочешь купить? — усмехнулся я ему в лицо. — Она не продаётся.

Я отодвинул его и шагнул, доставая ключи, к водительской двери.

— Сейчас я сяду в машину, — спокойно проговорил я, оглядев эту шоблу, — заведу двигатель, и мы с моим другом отсюда уедем. Вы не будете нам в этом мешать. И тогда никто не пострадает.

Надежды на такой исход было, конечно, немного. Но озвучить предложение я посчитал нужным. Ну, чтобы потом не испытывать угрызений совести.

Они запереглядывались. Возмущённо загомонили. Тот, что кричал бить окна, выступил вперёд.

— Ты отсюда не уедешь, — заявил он.

— Почему это?

— Мы тебя задерживаем!

Я вздохнул, спрятал ключи в карман и отступил от машинной двери.

— Ну, давайте, попробуйте.

Вперёд выступили двое.

— Стойте, — забормотал в бритоголовой толпе негромкий голос, на удивление благоразумный. — Стойте... Может, не надо?.. Этот чувак, наверное, из Кей-Джи-Би... Смотрите, какая морда...

Это да, доставшаяся мне от Николая Смирнова внешность впечатляла. Поначалу я сам непроизвольно опасался человека в зеркале. Потом постепенно привык.

Но благоразумных людей агрессивно настроенная толпа слушает редко. Даже когда те, вот как сейчас, удивительным образом прозревают чистую правду. Так случилось и в этот раз. (Но как же этот тип чётко меня идентифицировал! Мне это совсем не понравилось.)

— Какая разница! — крикнул кто-то ещё. — Всё равно! Мочи его!

И двое смельчаков ринулись претворять слова крикуна в жизнь.

Сделать это они намеревались голыми руками.

Место было безлюдное, но шум и суeta могли кого-то и привлечь. Например, полицию. Так что заканчивать с этим неожиданным шоу нужно было побыстрее.

Двое встали в боевые стойки и запрыгали на месте. А я

ждать не стал. Резко двинувшись вперёд, я рубанул одному прямым ударом в нос. Он дёрнул головой и рухнул, как подкошенный. Второй уже летел на меня, его кулак целил мне в глаз. Кулак я поймал, сжал и чуть крутанул. Послышался хруст.

— А-а-ай! А-а-ай! — заорал неонацист, падая на колени. Покалеченную руку он держал перед собой, уставившись на неё с ужасом на лице.

Рефлексы Николая Смирнова не подвели и сработали на отлично. Я уже привык ощущать их как свои собственные.

Остальные противники, видя такое, на секунду замешкались. Но тут позади них засопели и затопотали. Из-за расступившихся тел вылетел желающий, полноватый тип с куском арматуры в руках. Занеся своё оружие над головой, он без остановки ринулся прямо на меня.

Удар!

Я увернулся, железка рассекла воздух рядом с головой. Ударилась в крышу автомобиля. Загрохотало знатно. На товарный вид несчастного «Альфа Ромео» это, правда, повлиять уже не могло.

Шанса на второй удар я этому резкому парняге не предоставил. Сунул ему кулаком в печень. Арматурина, выпав, запрыгала по асфальту. А бритую голову я, поймав противника за шею, заставил повстречаться с корпусом машины. Угодила голова в заднюю дверцу, и звук был почти такой же, как от удара арматуры. Стекло не разбилось, но треснуло. Тело

рухнуло и осталось лежать без движения.

Остальным противникам пора было уже и разбежаться. Но нет. Они отступили, но бросаться наутёк не спешили. Более того, до моего уха донесся звук, с которым щёлкают, раскрываясь, выкидные ножи.

Не хотелось, но пришлось всё-таки доставать пистолет.

Бах! Бах! — пули вошли в асфальт рядом с ногами тех, кто стоял поближе. — Бах!

Тут-то эти обалдуи уже отскочили, но всё равно не побежали.

Я вытащил запасную обойму, не спеша поменял, показывая, что патронов хватит на всех. Толпа отступила ещё на шаг-два. Раненых они оттащили с собой. Но не уходили, а стояли и набычившись глядели на меня, проявляя то ли ту-пость, то ли отвагу, а может, оба эти качества одновременно.

И я стал уже всерьёз подумывать, а не стрелкнуть ли кому-нибудь из них в ногу по-настоящему.

Тут издалека донёсся протяжный и знакомый звук. Виу-виу-виу! — это завывала полицейская сирена. Тогда они зашевелились и загомонили.

— Что, уходим?

— А зачем нам уходить? Мы же... это самое...

— Ну, мало ли, кто там приедет...

— А награда?

— А если этот начнёт палить?..

Переговаривались они недолго. Потом решили отсюда

сматываться. Бегом погрузились в свои колымаги, и те, вздымая пыль, унеслись по дороге.

Я тоже запрыгнул в машину. Посмотрел на слегка обалдевшего от всего происходящего Фабио. И решил не уноситься отсюда со всей возможной скоростью, а пойти на хитрость. Я подогнал машину как можно ближе к развалинам, под самую стену. В расчёте на то, что несущиеся неизвестно куда карабинеры нас не заметят.

И правильно сделал.

Потому что выла сиреной и пугала всех вокруг не полицейская машина, а микроавтобус «скорой помощи».

На медицинском микроавтобусе прилетел товарищ Фабио — тот самый, которому я звонил. Где нас искать, он знал, поэтому мимо они с водителем не проехали.

Фабио он повёз не в больницу, это было бы слишком опасно для них обоих. Он забрал его к себе домой. Водитель, видимо, был из своих, проверенный и надёжный.

Меня они подвезли ближе к центральным улицам, где можно было поймать такси.

Фабио Ротта оставил мне адреса и телефоны, по которым его можно найти. На всякий случай. Я ничего записывать не стал, всё запомнил, в нашем деле было принято именно так. Но больше беспокоить Фабио я не планировал. Он и так пострадал. И у меня были некоторые основания полагать, что провал пришёл именно с нашей стороны.

— Прости, что оставили тебя без поддержки, камрад, —

сказал Фабио Ротта на прощанье. — Могу тебе посоветовать только одно. Загляни в бар «Гладиатор», это на Виа Калабрия. По вечерам там собирается всякий специфический народ. Может, отыщутся и те, кто тебе нужен.

Он крепко сжал мне руку.

— Удачи тебе, камрад. Береги себя.

Я ответил, что постараюсь.

Помещение было сплошь затянуто сигаретным дымом. Отчётливо я видел только тех, кто сидели за парой соседних столиков. Дальше начинался густейший никотиновый туман. Что называется, хоть топор вешай. Что касается тех, кто сидел здесь этим вечером, то я бы совсем не удивился, окажись у них за пазухой по топору. Ножи-то там уж точно имелись.

Да, Фабио не обманул, бар «Гладиатор» был интересным заведением.

Я занял место в углу. Где-то далеко, когда дымные облака на секунду рассеивались, из-за их марева показывалась барная стойка. За ней высились полки с рядами разноцветных бутылок. Сверху свисали пёстрые болельщицкие шарфы с символикой футбольных команд. А из-под бутылок и шарфов в зал глядела зверская физиономия бармена. Перебитый нос, квадратная челюсть и выражение лица наводили на мысль, что шарфы попадали в эту коллекцию, возможно,

без учёта желания их бывших хозяев.

Отхлебнув из пивного бокала, я погрузился в свои мысли.

Итак, что мы имеем. Высшее руководство КГБ (и даже государства) направило меня сюда, в Итальянскую республику, со специальной миссией. В стране сильны левые настроения. Коммунисты получили большой процент на выборах, остальные партии вынуждены с этим считаться. США обеспокоены и изо всех сил стараются поменять расклад сил. Для этого в ЦРУ пытаются коммунистов и всё левое движение в глазах населения дискредитировать. Есть сигналы, что для этих целей ЦРУ использует террористическую организацию Бригадо Россо, по нашему — Красные Бригады.

Моя задача — выявить связь руководства Бригадо Россо с людьми из ЦРУ. Нужно добыть конкретные факты.

Так получилось, что прибыл я сюда как нельзя вовремя. Брежнев, Политбюро и верхушка Комитета госбезопасности не могли этого знать, но как в воду глядели. Совсем скоро здесь состоится похищение итальянского премьер-министра Альдо Моро. И совершат этот акт именно боевики Красных Бригад.

Премьер Моро проводил в жизнь свой политический проект «исторического компромисса» и собирался создать коалицию с участием коммунистической партии. Таким образом, коммунисты вошли бы в правительство, получили бы какие-то из министерских постов.

Казалось бы, всё логично: если компартия набирает треть

голосов населения Италии, то она должна быть представлена во власти. Ведь так и работает та самая демократия, о которой на Западе столько разговоров. Но в таком случае коммунисты, пусть и итальянские, получали доступ к секретной информации НАТО: сведениям о военных объектах, о размещении вооружений, конкретным стратегическим планам — и много чему ещё. Такого американцы допустить не могли.

Они давили на Моро по всем возможным каналам: через своих людей в Италии и на международном уровне. Когда там ничего не вышло, к решению вопроса подключился госсекретарь Киссинджер. Он лично встречался с Моро. Он встречался с Моро, но тоже не смог убедить его, что американские интересы должны быть для итальянского премьера важнее интересов его собственной страны.

Тогда Альдо Моро похитили, а через время убили.

О самом похищении я слышал чуть не с детства. Да о нём, наверное, слышали все, это событие было сродни убийству Кеннеди или Индиры Ганди. Всё же не каждый день одного из влиятельных политиков страны находят расстрелянным в багажнике машины в центре города. Но я знал об этом больше простого обывателя: недавно в той, старой своей жизни, я писал об этом в рамках серии «шпионских» статей.

Только вот писать я писал, а помнил теперь далеко не всё, что добыл тогда на просторах интернета. Я знал год похищения: понятно, 1978-й. Знал, когда Моро убьют: его тело

обнаружили 9 мая, такую дату было легко запомнить. Ещё знал, что держали его в плену около двух месяцев — кажется, меньше, и точно не больше. То есть день похищения я мог вычислить только приблизительно.

Если брать с запасом, то нужно было исходить из того, что это случится 9 марта.

А сегодня уже 2-е.

Созданная усилиями разведчиков из резидентуры агентурная ячейка разгромлена. Причём случилось это аккуратно к моему сюда приезду. В совпадение верилось с трудом, а это значило, что сведения о моей миссии кто-то слил противнику. Поэтому я не стал возвращаться на старую квартиру, а снял себе новую. Всё равно вещей там почти не было. А пистолет я уже раздобыл другой.

Теперь мне нужно искать выходы на Бригадо Россо самому, с нуля. Ну, не то чтобы совсем с нуля. У меня имелся небольшой список людей, которые могли меня на террористов вывести. Хранился этот список, понятное дело, в голове.

Я поднялся и сквозь завесу сигаретного тумана побрёл к барной стойке. Нужно было начинать налаживать контакты с местным населением.

Заказал ещё бокал пива. Уселся прямо здесь, у стойки. Шлёпнул о гладкую стоечную поверхность купюрой:

— Сдачи не надо.

Бармен отдал заказ. Взглянул на деньги, бровь его при-

поднялась — скорее подозрительно, чем с благодарностью.

— Чем обязан такой щедрости?

Его пиратская морда с перебитым носом и серьгой в ухе замерла, сверля меня колючим взглядом.

— Да вот, недавно переехал в этот район... — Я вздохнул и стал рассказывать согласно задуманной «легенде». — Собираюсь здесь пожить какое-то время. Хочу освоиться, узнать, кто есть кто. А ты наверняка со многими знаком.

Бармен кивнул. Поверил он мне или нет, было пока непонятно.

— Ты что, русский? — неожиданно спросил он, прищурившись.

«Да что же это, блин, такое!» — подумал я.

Замешательство своё я показывать, конечно, не стал.

— Почему ты так решил? — спросил я, демонстрируя сдержанное удивление. — Из-за акцента?

Бармен усмехнулся.

— Не только. Просто ты так посмотрел на бутылки с водкой, как будто повстречал старых друзей.

Он откинул голову назад и заржал, довольный собой. Я подумал и решил на него не обижаться.

— Ты почти угадал, — сказал я. — Я из Югославии. Убрался оттуда, когда Тито стал творить там всякую дичь. А

акцент... Никак не получается избавиться. Да мне и не мешает. Иногда даже помогает — девочки, случается, клюют на экзотику.

Бармен закивал понимающе.

— Нико Бранчич, — представился я.

— Сандро, — протянул бармен руку поверх стойки с пятнами от пролитых напитков. Фамилии были тут, судя по всему, не в ходу.

Мы сжали друг другу ладони. Хватка у бармена была что надо. Но и я на свою тоже не жаловался. Он осмотрел меня, оценивающе, принимая какое-то решение. Бросил протирать стаканы, шагнул за стойкой поближе.

Заговорил, понизив голос:

— Да, тут у меня собираются местные, залётных почти не бывает. Вон та компания, — он указал на ближний столик, где за бутылкой вина о чём-то переговаривались четверо крепких усатых мужиков, — это работяги, строители. Занимаются профсоюзными делами, ходят на митинги и вообще идейные ребята. Так что при них ты своего Тито лучше сильно не ругай.

Он подмигнул. Я понял, что он имеет в виду. Скорее всего, мужики из коммунистов. Что ж, учтём.

Дальше бармен Сандро бегло прошёлся насчёт посетителей за другими столиками: это пенсионеры, то алкоголики, а вон то футбольные фанаты.

— Видишь вон того, седого? — показал он на один из сто-

лов, где звенели бутылками болельщики. — Это он сломал мне нос... — он беззвучно зашевелил губами, как оказалось, подсчитывая, — вот уже двенадцать лет тому назад. В те времена на стадионах было веселее, чем сейчас. А особенно — на трибунах. Я болел за «Рому», а он за поганый «Лацио»...

— Думается, ты не остался в долгу, — предположил я.

Лицо Сандро растянулось в довольной ухмылке.

— Это само собой, — хмыкнул он. — А как иначе? Я переломал ему ногу.

Бармен прищурился и приподнялся над своей стойкой.

— Эй, Джанлука! Какая завтра будет погода? Что говорит твоё колено?

— Спроси об этом у своего кривого носа! — с готовностью ответил седой Джанлука.

Перепалка их вышла ироничной и беззлобной. Судя по реакции остальных, это было обычное дело в здешних стенах.

— Теперь все двенадцать лет наливаю бесплатно этому хромому засранцу, — проговорил Сандро, понизив голос так, что его стало едва слышно за общим галдежом.

Я со значением покивал: интересные, мол, тут у вас люди и отношения.

Рассказ бармена Сандро потёк дальше. Вон те трое — рыбаки, они же контрабандисты. Вон тот, уснувший на столе — монах-францисканец. «Монах-францисканец, — прилежно запоминал я. — Буду знать, что бы это ни означало». Этот —

полицейский осведомитель. Вон там — трое карточных шулеров и один «идиото», который припёрся сюда с деньгами, а уйдёт с пустыми карманами. А вон сумасшедший парень, который уверен, что он сын Римского Папы.

Я делал умное лицо и впитывал информацию. Всё это было, конечно, увлекательно. Только вот на самом деле большой пользы сведения эти мне не обещали.

— А вон тот, с газетой, — сказал Сандро, — это серьёзная личность. Журналист. Адриано Ферри. Слышал про такого? Вот это он самый и есть.

И тут я встрепенулся. Журналист этот был, скорее всего, знаменитостью скромной, локальной. Но я о нём тоже слышал. И не просто слышал: журналист Адриано Ферри присутствовал в списке людей, которые могли помочь мне продвинуться в выполнении моего задания.

Прерывая наше общение, к стойке подошли ребята, которых Сандро отрекомендовал как рыбаков, склонных также к занятиям контрабандного толка. Рыбой от них действительно не пахло, зато пахло добротным перегаром. Их пустые бокалы стукнули о стойку. Официантов в заведении не водилось, здесь предполагалось самообслуживание.

Бармен Сандро отвлёкся, разливая им добавку. Я предпочёл отойти в глубь зала.

Журналист трескал из тарелки фисташки и прихлёбывал из бокала. На носу его сидели очки в толстой оправе. Лицо покрывала обильная щетина. Одной рукой он держал печат-

ное издание, название которого было не разглядеть. Пялился он туда с довольно мрачным видом.

Я решился и просунулся на скамейку с другой от него стороны стола.

— Вы Адриано Ферри? — спросил я, предполагая таким нехитрым манером завязать беседу.

— Пошёл к чёрту, — ответил он, бросив на меня мимолётный взгляд.

А потом уткнулся обратно в свою газету.

Глава 3

Обижаться на грубость со стороны своего итальянского коллеги, этого поедателя фисташек, я не стал. Но и навязывать своё общество после такого ответа не выходило при всём желании. Так что я отступил обратно за свой столик в углу. И стал наблюдать и ждать.

Может быть, рассуждал я, когда этот тип покончит с пивом и выйдет на улицу, там он станет немного дружелюбнее. В любом случае, нужно подъехать к нему ещё раз. По крайней мере, вне этих стен моя настойчивость никому не будет бросаться в глаза.

Но всё вышло даже лучше. Минут через десять в бар вошли два мордоворота в длинных плащах. Они бегло осмотрели людей в зале и направились к столику Ферри. Когда они подсели к нему и стали что-то говорить, тот, судя по выражению его мрачной физиономии, сказал им то же самое, что не так давно сказал и мне. Но пришедших такой приём, было на то похоже, не смутил. Они продолжали разговор, обильно, как это принято у итальянцев, размахивая руками. О чём шла речь, мне за общим гвалтом было не слышно.

Когда все трое поднялись и потопали на выход, я немного подождал и устремился туда же.

Выйдя наружу, я бесшумно прикрыл дверь и отступил в тень под стеной. Моего появления не заметили, а может, про-

сто не обратили внимания. Теперь я мог слышать, о чём говорят Адриано Ферри и мордовороты в плащах. Разговор их, как я и предполагал, назвать приятельским можно было с большой натяжкой.

Свет фонаря падал на площадку перед баром, освещая этих троих. Журналист оказался невысоким, но довольно коренастым. Очки свои он снял. Короткая куртка топорщилась на широких плечах. Он и сам как будто весь ошетинился, встопорщился, как колючая рыба ёрш. Или, скорее, как уличный бойцовый кот перед двумя псами.

А «псов», было похоже, его смелый настрой останавливать и не думал. Они теснили своего собеседника к стене и наседали на него всюду.

— Тебя же просили, — гнусавил один из них, — к тебе обращались уважаемые люди...

— Говорили тебе: не суй свой любопытный нос куда не нужно, — помогал напарнику второй, протягивая руку к воротнику журналистовой куртки. — Ведь обращались? Ведь говорили?..

— Пошли к чёрту! — Ферри отстранил лезущую к нему загибающую пятерню.

Лексикон у него не отличался разнообразием. Впрочем, здесь, на вечерней пустынной улице, каких-то изысканных оборотов, пожалуй, и не требовалось.

— Пошли к чёрту! — повторил он. — Вы сами и ваши... Договорить ему не дали. Одной только смелости на ули-

цах бывает недостаточно. Две фигуры двинулись вперёд, журналист отступил, и тут же быстрый кулак воткнулся ему в солнечное сплетение. Ферри ухнул и согнулся. Противники нависли над ним, очевидно собираясь продолжать начатое. А это означало, что мне пришла пора выходить из тени.

И медлить я не стал.

Бесшумно оказавшись за спинами тех двоих, вплотную, я протянул руки и резко схватил их за шеи. Так-то парни были крупные и неслабые, но тут сработал эффект неожиданности. Они одновременно ругнулись и попытались обернуться.

— Ты кто такой?.. — начал один.

Но я был здесь не затем, чтобы рассказывать им свою биографию. Ни вымышленную, ни тем более настоящую. Головы мужиков двинулись навстречу друг другу и вошли в контакт. Бум! — раздался глухой, но отчётливый звук удара. Я отпустил их, и мордовороты под шуршание своих плащей повалились на землю.

Журналист Адриано Ферри выпрямился. Несколько секунд потребовалось ему на то, чтобы восстановить дыхание. Что-то в его внешности было от актёра и певца Челентано. Да у них и имена одинаковые, подумалось мне.

Ферри достал сигарету, подкурил.

— Не надо было, — угрюмо буркнул он. — Я бы сам с ними разобрался.

На этот счёт у меня имелись сомнения, но я оставил их при себе.

Он перешагнул через раскинувшиеся тела и побрёл по тротуару в ту сторону, где горело меньше всего фонарей. Я вздохнул и направился следом за ним.

Наши шаги разносились в окружающей тишине. Мы обошли большую лужу, подсохшую по краям и с кружком тёмной воды посередине. Сигаретный дым перебивал кисловатый запах откуда-то из подворотни. Вдалеке задрывал мотоцикл или мопед. В ответ ему где-то поблизости запели свою песню коты. Это было логично, на улице стоял пусть и ранний, но уже март.

— Меня зовут Нико Бранчич, — сказал я, догнав Ферри и поравнявшись с ним.

Руку я протягивать не стал, стиль общения этого парняги такого, судя по всему, не предусматривал. Но для меня это было не принципиально.

Пару десятков шагов мы прошли в молчании. Мне подумалось о том, что среди всех существующих итальянцев мне попался, возможно, единственный в своём роде: молчаливый.

— Ты помогаешь всем, кого пытаются избить на улице? — спросил он наконец.

— Когда как, — усмехнулся я. — Чаще всего тех, от кого мне что-то нужно.

Он хмыкнул, но не то чтобы с большим интересом.

— И что же тебе нужно от меня, Нико Бранчич?

Вот это наконец был уже нормальный разговор.

— Я видел, ты пишешь о Бригадо Россо... — начал я.

А потом продолжил. У меня, конечно, был готов для этого случая специальный рассказ. О том, что я частный детектив — работаю, правда, без лицензии, но кому какое дело. И сейчас занимаюсь поиском пропавшего молодого человека, почти подростка. Есть основания полагать, что его исчезновение связано именно с Красными Бригадами.

— Похищение? — спросил Ферри.

Я ответил, что на похищение это не похоже. Больше похоже на то, что парень сбежал из дому по своей воле. Юношеский бунт, марксистские брошюры в столе, ссоры, исчезновение, безутешные родители — кажется, картину я нарисовал вполне убедительную. Вряд ли, конечно, хмурый тип Адриано Ферри бросится раскрывать мне все свои источники. Но хотя бы чем-нибудь поделиться мог бы. Из сочувствия к страдающим, пусть и несуществующим, папе с мамой вымышленного паренька.

Журналист Адриано Ферри долго ничего не говорил. Он просто топал по тёмной улице и молчал. Я тоже шёл молча. Треснутый асфальт шуршал под нашими подошвами.

— Ты не обращай внимания, что я отшил тебя там, в «Гладиаторе», — наконец заговорил мой немногословный собеседник. — Просто у тебя такое лицо... Как раз с такими ко мне приходят рассказывать, о чём мне не надо писать... Я подумал, ты тоже из этих.

Я незаметно усмехнулся. И ответил в том плане, что ни-

чего, мол, страшного, бывает.

— А Бригады, — продолжал Ферри, — это такая неблагодарная тема... Сегодня ты пишешь о них статьи... Или разыскиваешь пропавшего парня... А завтра лежишь в канаве с простреленной головой.

Он остановился и повернул ко мне поросшее щетиной лицо.

— Поиски это дело благородное... Но достаточно ли тебе платят, чтобы лезть к дьяволу в зубы? И стоит ли вообще оно того?

Он пытливо заглянул мне в глаза при свете уличного фонаря.

Я ответил, что всё это мне понятно. И что для меня дело тут не в деньгах. Что эта семья — не чужие мне люди, так что деваться мне некуда и рисковать я готов.

— В таком случае, у меня имеется насчёт всего этого одна мыслишка, — ухмыльнулся он. — Давай, диктуй свой телефон. Скоро я тебе позвоню.

В доме напротив того, где я поселился, на первом этаже работала пиццерия. Называлась она «Заходи к Джузеппе». Я решил, что последую предложению светящихся букв с вывески и завтракать стану именно там.

Чтобы поскорее освоиться в стране, мне требовалось как

можно больше времени проводить на людях. Предполагалось, что в пиццерии я буду тихо и незаметно сидеть в уголке, принимать и пищу — а заодно, что называется, погружаться в языковую среду. С болтливыми итальянцами это представлялось само собой разумеющимся. Глядишь, и что-то полезное по своей главной теме здесь услышу.

В плане погружения в среду всё так и получилось. А вот насчёт того, чтобы отсидеться незамеченным, вышла небольшая проблема. Проблемой этой стала супруга давшего заведению название человека, немолодая полноватая тётенька. Она заметила появившуюся здесь новую личность и тут же взяла меня в оборот.

— Вы поселились в доме двадцать восемь?

— А в какой квартире?

— И сколько же с вас содрали эти жулики?

— А сами вы откуда?

— А кем работаете?

— И как долго планируете здесь пробить?

Пока готовилась моя пицца, этот град вопросов накрыл меня с головой. Ответы мои слушали все посетители, человек десять. Может, не всем оно было интересно, но и деваться им от этого было некуда. Хорошо, что я твёрдо зазубрил свою «легенду» в Москве перед отправкой. А о том, как правильно вести себя на допросах, Николая Смирнова научили ещё в школе КГБ.

(Я привык называть этого человека майором, но там, в

Центре, за разоблачение предателя Гордиевского его повысили в звании. Или это меня повысили, тут с какой стороны посмотреть. Как бы там ни было, новые звёздочки на погоны приделывал я. И обмывал повышение с Васей Кругляевым и товарищами, большинство из которых лично мне довелось увидеть впервые в жизни, тоже я.)

Тем временем пицца уже источала ароматы у меня на столе. Однако поток вопросов если и пошёл на убыль, то очень незначительно.

— А вы женаты?

— А как вам жилось там, в Югославии?

— А гражданство вы уже получили?

— А за кого голосовали на выборах?

Сам Джузеппе, толстый и похожий на слегка подросткового Денни де Вито, находился здесь же, у плиты. Он в разговор не лез, да и куда там было лезть. С такой женой ему поневоле приходилось больше слушать, чем говорить.

Пытаясь что-нибудь откусить, прожевать и по возможности проглотить, я обречённо отвечал на всё, что интересовало хозяйку. Да, гражданство я уже пять лет как получил. На выборах не голосовал, не считаю себя вправе, всё же я не вполне местный. По своим политическим взглядам я ближе к левым. Да, пицца отличная, спасибо, и салаты тоже что надо. И десерт я себе, конечно, обязательно закажу. Да, благодарю. Да. Да. Да...

Наконец её попросили к другому столу. Я вздохнул с

облегчением. И заодно подумал, что когда ко мне станут подбираться враги, то со стороны пиццерии они точно не пройдут: здесь сеньора Оливия (так звали эту фееричную женщину) их мигом разоблачит. Ну или заболтает до полусмерти.

Относительные тишина и спокойствие продержались в заведении совсем недолго. Дверь распахнулась, и внутрь ворвался оживлённый и растрёпанный человек. От него так пахло автомобильными выхлопными газами, что это ненадолго перебило даже витавшие в зале ароматы свежей пиццы.

— Мне как обычно! — крикнул он. — И поскорее, я опаздываю!

Джузеппе флегматично посмотрел на него.

— Хорошо, хорошо, Луиджи. Да ты присаживайся.

Там, в своих владениях, он продолжал неспешно раскатывать тесто.

— Некогда мне тут у вас сидеть! Мне ещё нужно найти одного типа! Того, который... Постой-ка! — внезапно перебил он сам себя. — А ты, случайно, не знаешь, чей вон тот серый драндулет?

Он ткнул пальцем в широкое окно в направлении дома напротив. Там, припаркованный между двух тополей, стоял мой «Фиат». Я успел купить его только вчера днём. Автомобиль был хороший, я потратил на него большую часть выданных мне с собою денег. И зачем обзывать его драндулетом, было непонятно.

— Машина моя. — Я поднял руку, привлекая внимание этого крикуна. — А что вы хотели?

Растрёпанный человек, которого звали Луиджи, перестал метаться по залу и замер на месте. Его носатое и кучерявое лицо уставилось на меня во все глаза.

— Ага! — завопил он. — Попался!

Он прытко подскочил к моему столику.

Я напрягся. Что это, какая-то провокация? Да вроде как-то не похоже.

— Ты зачем поставил здесь свою тачку?! — вскричал бешеный Луиджи.

Глаза его горели, а лицо перекосило такой эмоцией и даже мукой, как будто он вот-вот рухнет на пол с сердечным приступом.

— Это моё место! Понимаешь? Моё!

Человек Луиджи уставил в меня свой обвиняющий палец, и тот задёргался, как будто был не пальцем, а изрыгающим пули автоматным стволом.

— Из-за тебя мне пришлось оставлять свой «тазик», своего кормильца, вон там, за углом! И с него открутили зеркала! Кто мне теперь это компенсирует? А если бы сняли колёса? А если б вообще угнали?!

Поняв, в чём, собственно дело, я расслабился. Но этот тип продолжал вопить, и как с ним быть, оставалось непонятным.

— Ну чего ты взъелся? — пришла мне на выручку хозяй-

ка, сеньора Оливия. — Человек только заселился, он же не знал...

— Это неважно! — отмахнулся носатый дебошир. — Я пятнадцать лет здесь ставлю! А тут какой-то!.. Понаедут!..

Оливия покачала головой и закатила глаза. А Луиджи продолжил вопить дальше — он прыгал у моего стола, как маленькая злая собачка. Это надо было как-то прекращать, но как? Взять его за шкурку и выбросить за двери — проще простого, но это было бы неправильно, по ряду причин. Мне-то здесь какое-то время ещё жить.

Соображая, что бы предпринять, я поднялся из-за стола. Видя такое дело, крикун на секунду примолк. Оценил мои габариты. А также то, что теперь ему приходится смотреть мне в лицо, несколько задрал голову.

— И нечего мне тут угрожать! — заорал он, хотя я и не думал его пугать, даже смотреть на него старался если не дружелюбно, то по крайней мере нейтрально. — У меня брат в Коза Ностра! Понял, ты? Если я ему скажу...

Он отступил на шаг-другой. Тут поблизости — там, где в заведении было подобие раздаточной стойки — раздался резкий звонок. Телефон.

— А ну, тихо! — скомандовала хозяйка таким тоном, что теперь Луиджи заткнулся мгновенно и безропотно.

Она проворно подошла к аппарату.

— Пронто! — крикнула в трубку итальянское «алло».

Недолго послушала, что ей там сказали.

— Да, да! — ответила звонившему, радостно кивая. — Хорошо, сейчас!

И устремила взгляд на меня.

— Тут спрашивают вас. Какой-то мужчина.

Я удивлённо пожал плечами и шагнул в её сторону.

— Тебе повезло, — пробурчал Луиджи, отодвигаясь у меня с пути.

— Да садись уже за стол, ты, гроза Рима, — проворчал от плиты Джузеппе.

Луиджи что-то буркнул в ответ, я не прислушивался.

А звонил мне журналист Адриано Ферри.

С холма открывался шикарный вид на долину. Недалеко от грунтовой дороги прохаживались кони, на лугу у реки паслось стадо коров. Справа темнел лесок, прямо по курсу раскинулось под горой селение на три десятка деревенских домов, дальше простирались поля.

А слева лежал обширный огороженный участок. С двухэтажным особняком и целой россыпью других строений, малых и побольше. С колодцами, загонами для скота, навесами и гаражами. С бассейном и теннисным кортом. И с отдельно расположенным ангаром неизвестного назначения. Всё это вместе можно было, пожалуй, назвать солидным словом «ранчо».

Это ранчо мы с Ферри и рассматривали в его мощный армейский бинокль, расположившись на холме. У людей на ранчо тоже могли иметься свои бинокли. Так что на всякий случай мы не маячили на виду, а вели наблюдение с того места, где холм порос густым ветвистым кустарником.

— Это владения бизнесмена Карло Карбонары, — сообщил Ферри, пожёвывая сигарету и не отрываясь от наблюдения.

Кто такой этот Карло, я не имел ни малейшего понятия. Однако построил значительное лицо, кивнул и нахмурился.

— Вон в том квадратном здании, — продолжал мой осведомлённый собеседник, — два-три раза в месяц проводят состязания бойцов. Это как бокс, только такой... дикий, без правил. Можно бить чем угодно и куда угодно. Это своего рода подпольный бойцовский клуб.

Он оторвался от наблюдений и взглянул на меня, оценивая моё впечатление от услышанного.

Я взял у него бинокль, навёл на ангар. Строение было довольно высоким. Там имелись окна, но рассмотреть, что находится внутри, отсюда, конечно, возможности не было. И распростёртых и окоченевших тел неудачливых бойцов поблизости тоже не наблюдалось.

— В назначенный день, — вёл Ферри свою речь дальше, — сюда съезжается множество интересного народа. Такие люди, что если об этом просто рассказать, то в жизни никто не поверит, что они собираются вместе. Здесь бывают в том

числе и те, кто тебе нужен. И я собираюсь...

Он потянул бинокль у меня из рук и сунул его в чехол. Потом пристально уставился мне в глаза.

— Если меня проинформировали правильно, то сегодня тот самый день. Или, вернее будет сказать, вечер. Сегодня ангар заполнится... — Он сделал небольшую паузу. — Кого попало, зрителей с улицы, туда, как нетрудно догадаться, не пускают. А я хочу пробраться в это место. Сделать несколько снимков, на память...

Левая его бровь медленно приподнялась.

— У тебя нет желания в этом поучаствовать?

Глава 4

Дверца «Феррари» приоткрылась без малейшего звука. И так же бесшумно я проник внутрь. Гости бизнесмена Карло Карбонары свои машины не запирали. Думали, что незачем. Но сегодня один из них просчитался. В салоне пахло кожей и роскошью дорогого автомобиля. Живут же капиталисты, сволочи, эксплуататоры трудового народа, подумал я.

И аккуратно отпустил рычаг ручного тормоза.

Когда через время машина стронулась с места и, хрустя колёсами по щебёнке, покатилась под откос, я уже сидел за кустами у сеточного забора. Рядом со мной нетерпеливо тянул шею поверх ветвей журналист Адриано Ферри.

Бум! — раздался ожидаемый нами звук материального ущерба.

Тут же на углу ангара слышались обеспокоенные голоса охранников. И почти сразу же они спешно протопали вдоль забора — туда, где приехавшие оставили свои машины. Охрана двигалась в правильном направлении. Верной дорогой идут, подумал я. То есть подальше отсюда. Хоть они нам вовсе и не товарищи.

— Вперёд! — скомандовал я шёпотом, и мы выдвинулись из своего укрытия к тому месту, где собирались преодолеть забор. Поверху тут везде была натянута колючая проволока, перебраться было бы непросто. Зато внизу я заприме-

тил участок, где можно протиснуться на животе. Наверное, грунт чуть размыло дождями. А может, лисицы или собаки прорыли себе дорогу.

Пришлось, правда, немного расширить себе путь сапёрной лопаткой.

Составление плана, как нам проникнуть на ранчо, я взял на себя. Журналистских познаний оказалось для этого недостаточно, а вот тех, которые имелись у Николая Смирнова — вполне. Такого рода сноровку вполне мог иметь и частный детектив, так что Ферри удивился не очень. Когда он понял, что отыскал в моём лице полезного партнёра, то предложил мне оплату. И я не стал отказываться: пусть считает, что это он меня использует.

Я нырнул в проход первым. По периметру территории ранчо горели на высоких столбах фонари, да и светящиеся окна ангара немало разбавляли темноту. Но как раз в этом месте дерево у забора создавало удачный полумрак. А ещё здесь имелась полоса кустов. В отличие от тех, что росли снаружи, эти были подрезаны и окультурены — но всё равно вполне пригодны для того, чтобы за ними прятаться.

Дождавшись, пока мой компаньон окажется по эту сторону забора, я осторожно выглянул из-за кустов. Махнул рукой. Мы уже почти начали перебежку к стене ангара, когда с торца его, с левой стороны, заскрипели, приоткрываясь, двери. До нас донёсся многоголосый гомон изнутри здания.

Мы мигом плюхнулись на землю. Двери закрылись, и го-

мон стал глуше. По земле заматались тени, зазвучали голоса. Но вышедшие и не смотрели в нашу сторону. Шаркая по бетонной дорожке, они направились к машинам или куда-то в том направлении.

Немного выждав, мы пошагали к ангару. Пригнувшись и бесшумно ступая, мы обошли прямоугольник света на земле. Из окна слышался шум и крики — там уже всю метелили друг друга бойцы и бесновались те, кто за этим наблюдал. В десяти метрах у ангара имелась пристройка неизвестного назначения — к ней мы и рванули.

Я помог взобраться наверх Ферри. Потом, подпрыгнув, ухватившись и подтянувшись, влез на крышу пристройки сам. Под ногами недовольно задвигалось кровельное железо. Прильнув к его холодной поверхности, мы поползли к окну. Здесь оно было небольшое, зато располагалось сверху. Да и выбирать нам особо не приходилось. Разве что соорудить морды кирпичом и ломануться прямо через главный вход.

Если бы мы лезли сюда за тем, чтобы посмотреть именно бои, то наше теперешнее место оказалось бы для этого не очень удачным. Ринга и тех, кто там прыгал, отсюда было почти не видно, мешала колонна. Зато те, кто за рингом наблюдал, располагались с двух сторон и были перед нами как на ладони.

В руках Адриано Ферри уже появился фотоаппарат. Журналист мгновенно нацелил объектив и стал, поводя ним, жадно делать снимки, один за другим. Машинка у него было

специальная и щёлкала совсем негромко, еле слышно.

А в помещении восседали на скамьях люди. Человек тридцать. Может, и больше. Разные. Спокойные и что-то орущие, серьёзные и ироничные, возбуждённые и флегматично пускающие сигаретный дымок. Одеты в костюмы и галстуки или в простые свитера, в короткие куртки или в плащи. Всё это были белые мужики от тридцати пяти до шестидесяти пяти. Считается, что как раз эта часть человечества и правит миром. По крайней мере, так было здесь, в конце семидесятых.

— Отлично, отлично, — забормотал быстрым шёпотом мой компаньон, толкая меня в бок и продолжая фотографировать. — Компания что надо. Все, все здесь. Вот тот, в центре, с сигарой — хозяин клуба, Карло Карбонара. А вокруг него: сенаторы, чины из правительства, полицейские генералы, судья. Вон те мне не известны — похожи на военных. Папский кардинал — хорошо хоть не в сутане сюда припёрся, хе-хе. Промышленники и бизнесмены помельче. Мои коллеги-журналисты, вот же продажные говнюки!.. Ну и мафия тоже здесь, само собой. Там, сбоку — четверо в костюмах. Вон тот, щекастый, это дон Чезаре Барзини, глава римской Коза Ностра. Ну и дальше, позади, всякий мелкий преступный сброд, на этих можно не обращать внимания. Хороший улов!..

Фотоаппарат он успел спрятать в рюкзак и теперь довольно потирал руки.

— Да, чуть не забыл, — зашептал он дальше. — Вон те двое, в кожаных куртках. В верхнем ряду. Это те, кто тебе нужен. Бригадиры. Ренато Розетти и Тони Бертолето. Запоминай эти милые лица.

Я последовал его совету и прильнул к окну.

Розетти — худой, патлатый, в очках, с небольшой бородкой, — видимо, пытался косить под интеллектуала. Он глядел в сторону ринга с холодным, скупающим выражением. Плотный и румяный Бертолето, наоборот, бешено размахивал руками и что-то безостановочно орал. Лицо у него было простое, грубое, мужланистое. Эти двое затесались в группу бизнесменов, которые разбавляли здесь властных участников и составляли массовку.

Когда тут всё закончится, решил я, надо попробовать за ними проследить. Хорошо, что мы приехали сюда на моей машине. Только высажу где-то по пути Ферри, ему лишний раз рисковать незачем.

— Давай выбираться отсюда, — предложил я.

На этот счёт мой компаньон возражений не имел.

Мы пробрались к краю пристройки. Я спрыгнул первым, ботинки мягко спружинили приземление. Скоро и Ферри запыхтел у меня за плечом. Мы быстро огляделись и направились к нашему подзаборному лазу.

И тут из-за угла пристройки выступила тёмная фигура.

— А ну, стоять!

Человек выступил из мрака на свет, что лился из ангар-

ного окна. Это был один из охранников. Тут же у нас за спинами зашуршало, там появились ещё двое. А первый сделал шаг вперёд.

— Держите руки на виду! — скомандовал он.

Вёл он себя очень уверенно. И у него имелся для этого весомый аргумент. Он, аргумент, был чёрный, увесистый, сорок пятого калибра. Свой похожий аргумент, подумав и поколебавшись, я с собой брать не стал, оставил дома.

— Обыщите их, — приказал охранный руководитель своим подчинённым.

К нам с Ферри подскочили, схватили за плечи и по очереди обшарили. У журналиста отобрали рюкзак и что-то, найденное в карманах. С меня им взять было нечего.

Человек с пистолетом кивнул и отступил в сторону.

— Ведите их к боссу, — распорядился он.

Под крышей ангара всё пропиталось запахом курева и пота. С нашим появлением текущий бой остановили, и теперь соперники, два разгорячённых парняги с припухлостями на лицах, непонимающе глазели на нас с ринга. Также оттуда посматривал рефери, здоровенный шкаф в чёрной рубаше. Лицо его чем-то напоминало бульдозер. Казалось, что этот зверский мужик при желании запросто отлупасит обоих бойцов разом одной левой.

На нас глазели с ринга, но куда большее оживление мы вызвали среди тех, кто сидел в зале. Оттуда на нас вылупились во все глаза. Многие даже повскакивали со своих скамеек. Некоторые выглядели встревоженными.

А хозяин всего шалмана, Карло Карбонара, выступил нам навстречу. Он если и был обеспокоен, то умело это скрывал.

— Что такое, у нас гости? — вскричал он, деловито приглядываясь к тому, кого же это сюда привели.

Со своими каркающими именем и фамилией сеньор Карло и сам был похож на ворону: такой чёрный, носатый. И со своеобразной походкой, как будто прыгающей при каждом сделанном шаге.

— Надо же, сам Адриано Ферри! — осклабился он, узнав моего компаньона. — Вот сюрприз так сюрприз! Не живётся спокойно, всё тянет лезть туда, куда лезть совсем не нужно, да?

Вопрос этот, понятно, был риторическим и ответа не требовал.

Карбонара пыхнул сигарой, бросил её под ноги и перевёл взгляд на наших конвоиров. Один из них метнулся вперёд и передал боссу отобранный у журналиста рюкзак. Человек-ворона тут же раскрыл его и сунул туда свой клюв. Потом сунул руку. Вытащил из рюкзака фотоаппарат. Саркастично продемонстрировал его остальным:

— Ну да, понятно...

Расстегнул чехол, открыл крышку фотоаппарата. И, как

и следовало ожидать, извлёк оттуда плёнку, тем самым её засветив.

Ферри смотрел на этот процесс, бессильно скрипя зубами. — Ох, злоупотребляете вы нашей добротой, дорогой Адриано, — проговорил хозяин ранчо, засовывая фотоаппарат обратно в рюкзак и передавая рюкзак охраннику. — Эксплуатируете человеколюбие и милосердие, моё и моих уважаемых друзей.

— Эксплуатирую, простите, что?.. — Ферри вскинул брови и хрипло захохотал. — Как можно эксплуатировать то, чего нет и никогда не было?

Самообладание у этого парня было что надо. А вот чувством самосохранения природа его определённо обделила.

— Ладно, — не поддержал веселья сеньор Карбонара. Он переключил своё внимание на меня. Взгляд его был холодным, изучающим.

— А это кто с вами? — спросил он. — Адриано, вы наняли себе телохранителя? Что ж, это резонно с вашей стороны.

Карло Карбонара иронично покивал головой. Выглядело это так, как будто он клюёт в воздухе что-то невидимое.

— Или это консультант и напарник по незаконному проникновению в частные владения?

Я промолчал, решив, что оставаться на заднем плане будет для меня пока что предпочтительней. Тем более спрашивали и не меня. И подивился тому, как ловко и сходу этот папа Карло разгадал мою в этом деле роль. И порадовался,

тому, что роль эта ненастоящая, для прикрытия.

Адриано Ферри разъяснять тонкости наших с ним взаимоотношений тоже воздержался.

— Ну и что нам теперь с вами двоими делать? — развёл руками-крыльями птицевидный человек Карло.

После этого вопроса под крышей бойцовского ангара повисла напряжённая тишина.

— Да шлёпнуть обоих, и дело с концом, — раздался вдруг сиплый голос с трибуны.

Кто-то хмыкнул, другие запереглядывались и негромко загомонили. Я присмотрелся, кто это так высказался. Это был старик в похожем на мундир штатском костюме, седой и крепкий на вид. Кажется, Ферри говорил о нём как о полицейском чине. Хотя уверенности у меня не было: с нашим появлением народ на зрительских скамьях уже успел немного перемешаться.

Я подумал и вынужден был признать, что предложение седого звучало вполне логично. Но имелись и некоторые основания полагать, что так, как он говорит, всё-таки не случится.

— А что, — продолжал гнуть свою линию седой, — я давно считаю, что этого коммуняку пора убрать с дороги. Крутится и крутится под ногами...

Он выпятил вперёд выскобленный подбородок и нахмурил свои кустистые брови.

— Не горячитесь, ваша честь, — едва заметно усмехнулся

хозяин этого места.

Ага, подумал я, «ваша честь». Значит, этот седой — судья. Интересное здесь у них в Итальянской республике 70-х правосудие.

— Наш неожиданный гость Адриано Ферри, — продолжал Карбонара, — никакой не коммунист. И на нас, правых, патриотов старой Италии, он в своих статьях нападает не поэтому. По своим политическим взглядам он, скорее, центрист. Не любит всех одинаково. Просто мы неудачно попались ему под руку. Или, вернее сказать, под его разящее перо.

— Понятно: принципиальный, — сказал одутловатый бородач, кажется, из депутатов. Прозвучало это так, как будто Ферри обличили в непоправимой глупости. Или в каком-то стыдном пороке.

Сам говоривший подобным качеством явно не отличался. Но это было сейчас неважно. Важно было то, как собравшиеся здесь бонзы решат с нами поступить.

На лицах Карло и других отражалось раздумье. Сам сеньор Карбонара, похоже, был здесь очень не последним человеком. И не только потому, что всё происходило в его доме, на его территории. Высокопоставленные люди вокруг смотрели на него и ждали, что он предложит. Это было интересно. Над этим стоило поразмыслить — конечно, потом, не сейчас.

А сейчас... Мне показалось, я понял, что именно здесь происходит.

Насколько можно судить по составу присутствующих, здесь собрался весь костяк правых, реакционных сил страны. Изрядная часть этих людей осведомлена о том, что предстоит большое дело: похищение Альдо Моро. Операция готова и намечена на ближайшие дни. Всё расписано, отрепетировано и только ждёт своего часа. И если сейчас, в самый канун события, случится убийство известного журналиста... Неизбежная реакция в стране может вызвать неожиданные последствия: выступления левых сил, протесты, беспорядки на улицах. Такая турбулентность перед самой операцией — совершенно не в тему.

Так что убивать Ферри вроде как нельзя. Да и просто оставить здесь, продержат оставшиеся до события дни где-нибудь в подвале — тоже. Потому что исчезновение его — немногим лучше убийства. На полуострове уже привыкли, что если кто-то пропадает, хорошим это заканчивается редко. К тому же Ферри мог кому-то сообщить, куда именно он направляется этим вечером.

Но и просто отпустить нас, надавав для виду по печени, выглядело бы странно. Те из своих, кто был не в курсе предстоящего большого дела, могли не понять. Посчитать слабостью. Хуже того, слабостью это могли посчитать и противники. И повести себя непредсказуемо. Сам Ферри после такого мог поверить в свою неуязвимость, растрезвонить о случившемся и усилить свои нападки.

Да, затруднение хозяина ранчо и остальной компании бы-

ли мне, кажется, понятны. И тогда в моей голове родилась спонтанная идея.

— Послушайте, — сказал я, подняв кверху раскрытую ладонь. — Послушайте. У меня есть предложение.

После моих слов тишина в прокуренном пространстве ангара повисла абсолютная. Присутствующие уставились на меня во все глаза. Они вытрепились так, как будто с ними заговорила лошадь. Или обшитая декоративным деревом колонна. Или боксёрская перчатка.

Мой компаньон Адриано Ферри, надо сказать, смотрел на меня с похожим выражением на лице. Я бросил на него быстрый взгляд, как бы подбадривая: ничего, прорвёмся.

— Ну, давайте послушаем, — снизошёл Карло Карбонара, пожав плечами и приглашая присоединиться к его решению остальных.

Остальные вроде бы не возражали.

— У вас здесь интересное место, — начал я свою речь. — Это же бойцовский клуб, я правильно понимаю? Так вот вам наше предложение.

Я сделал небольшую паузу и осмотрел окружающие нас лица. Ворону Карло, седого кровожадного судью, бородатого и продажного депутата, высокопоставленных полицейских, магнатов, бандитов и прочих. Морды были, как из полити-

ческих карикатур в журнале «Крокодил», один в один. Хищные и много чего о своих хозяевах объясняющие.

— Предложение такое, — продолжал я. — Раз здесь бойцовский клуб, то давайте и решим вопрос соответственно. Я готов выступить с нашей стороны. Вы тоже выставите своего бойца. Пусть в этом поединке всё и решится. А ставки... — Я развёл руками. — Если я побеждаю, то вы отпускаете нас, без всяких условий и последствий. А если победу одержит ваш боец... Это давайте обсудим.

По рядам политиков, бизнесменов и прочих бандитов прошёл тихий гомон. А потом они посмотрели друг на друга и загалдели все разом, как на базаре. Каждый старался перекричать соседа. Что это значит, возмущены они моим нахальством или же, наоборот, согласны и теперь стараются выдвинуть своё условие, было совершенно непонятно.

— Тише, тише, сеньоры! — постарался навести порядок Карло Карбонара. Пока я говорил, он успел куда-то ненадолго исчезнуть, и теперь снова появился рядом со мной и нахмуренным Адриано Ферри.

И ему хоть и не сразу, но добиться относительной тишины таки удалось.

— Я так понимаю, вы, как азартные люди, склонны ответить на предложение нашего непонятного гостя согласием? — смог уловить он общее настроение в предыдущем гвалте. А может, подумалось мне, он просто сделал вывод, который был ему выгоден.

Как бы то ни было, никто против такого вывода возражать не стал. Седой судья скорчил недовольную мину, но промолчал.

— Какие мы выдвинем условия? — спросил Карло Карбонара. — Есть предложения?

Предложения сразу же и появились.

— Пускай этот Ферри даст опровержение по поводу своей статьи о полиции, — ткнул в журналиста пальцем бритый тип с тяжёлой, выпирающей вперёд челюстью.

— И к статье о строительных профсоюзах, — влез невысокий толстяк, похожий на сердитую свинью в очках с дорогой оправой.

— И о распределении городского бюджета, — пискнул плешивый хлыщ с бегающими глазками.

Хозяин территории хмыкнул.

— Принимается. Но три опровержения это, пожалуй, многовато. Пусть будет два из трёх, на выбор. Вы соглашаетесь на эту ставку, сеньор репортёр?

Ферри скребанул подбородок и хмуро посмотрел в мою сторону. Я вполне понимал его сомнения. Но ситуация, в которой мы оказались, предполагала не сомневаться, а принимать рискованные решения. Я ответил Ферри спокойным и уверенным взглядом.

— Соглашаюсь, — буркнул он.

— Вот и отлично, — Карло Карбонара потёр ладонью о ладонь.

Потом взглянул на меня.

— Что касается вашей расплаты в случае поражения... Я не знаю, как к вам обращаться...

— Меня зовут Нико, — сказал я. — Нико Бранчич.

Человек-ворона клюнул носом воздух — так он кивал.

— Так вот, Нико Бранчич. Если вы проиграете бой, то... Раз вы вызвались на ринг, то, надо полагать, имеете представление о единоборствах. В случае проигрыша вы останетесь здесь на неделю, будете работать боксёрской «грушей» на тренировках у наших ребят.

Он вскинул голову и недобро усмехнулся.

— Если, конечно, сохраните способность передвигаться на своих двоих и останетесь в состоянии что-нибудь соображать.

Вокруг нас загомонили, одобрительно по отношению к последним словам Карло и не очень — по отношению ко мне. Попугайте тут ещё, подумал я снисходительно. Вы просто никогда не видели, как работает боевая машина — тренированное тело Николая Смирнова.

В груди защекотало в предчувствии доброй драки. И правда: что-то уже давненько я не махал здесь кулаками.

— С нашей стороны участвовать в дуэли будет, конечно же, Джакомо! — объявил Карло Карбонара дальше.

Последовавший за этими словами многоголосый и радостный рёв мне понравился не очень.

И тут же вслед за этим я ощутил на себе чей-то свирепый

и полный яростного нетерпения взгляд. Каким-то дополнительным чувством я понял, что так на меня смотрит этот самый неизвестный Джакомо. Я отыскал, откуда исходят в мою сторону эти лучи ненависти и дикого опустошения. Встретился с противником глазами.

И понял вдруг, что моё предложение о поединке вполне может обернуться катастрофой.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.